

Бронислав Малиновский

Секс

и вытеснение

в обществе

дикарей

СЕРИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ

КУЛЬТУРЫ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Исследования культуры

Бронислав Малиновский

**Секс и вытеснение
в обществе дикарей**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

1927

Малиновский Б.

Секс и вытеснение в обществе дикарей / Б. Малиновский — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 1927 — (Исследования культуры)

ISBN 978-5-7598-0835-0

Бронислав Малиновский (1884–1942) – известнейший британский антрополог польского происхождения. Его перу принадлежит ряд увлекательных книг о верованиях и обычаях туземцев Новой Гвинеи и Тробрианских островов. Предлагаемая вниманию читателя работа – не только очередное захватывающее исследование, описывающее сокровенные стороны жизни удивительных обитателей Океании, но и документ эпохи. Малиновский одним из первых стал применять принципы психоанализа в других областях науки, хотя использовал он эти принципы далеко не безоговорочно. Книга, написанная при жизни Фрейда, представляет собой яркую и убедительную полемику с идеями основателя психоанализа и его последователей. Споря с психоанализом, ученый подробно разбирает проблему Эдипова комплекса на богатом материале из жизни матрилинейного общества, а затем постепенно расширяет круг интересов антропологии, осваивая «промежуточную область между наукой о человеке и наукой о животных». Книга будет интересна не только специалистам в области антропологии и психоанализа, но и самому широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-7598-0835-0

© Малиновский Б., 1927
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 1927

Содержание

Предисловие	5
I. Формирование комплекса	8
1. Постановка проблемы	8
2. Семья при отцовском праве и материнском праве	11
3. Первый этап семейной драмы	15
4. Отцовство при материнском праве	18
5. Детская сексуальность	21
6. Период ученичества	24
7. Сексуальность на последнем этапе детства	27
8. Пубертатный период	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Бронислав Малиновский

Секс и вытеснение в обществе дикарей

МОЕМУ ДРУГУ

ПАУЛЮ КУНЕРУ

Новая Гвинея, 1914,

Австралия, 1918,

Южный Тироль, 1922

Предисловие

Психоанализ за последние десять лет приобрел невероятную популярность. Он оказывает все большее влияние на современную литературу, науку и искусство. Одно время это было буквально повальное увлечение. И многих глупцов это впечатлило, а многих педантов шокировало и отпугнуло. Автор настоящего труда, несомненно, относится к первым, поскольку в свое время был совершенно очарован теориями Фрейда и Риверса, Юнга и Джонса. Но педантизм всегда останется главной страстью ученого, и последующая рефлексия вскоре охладила первоначальный пыл.

Внимательный читатель может проследить этот процесс во всех его нюансах по этой небольшой книге. Однако я не хочу создать впечатление драматического *volte-face*¹. Я никогда и ни в каком смысле не был приверженцем практики или теории психоанализа; и все-таки, несмотря на чрезмерность притязаний, хаотичность аргументации и нечеткость терминологии психоанализа, я должен признать, что он послужил для меня незаменимым источником вдохновения и ценных указаний относительно определенных аспектов человеческой психологии.

Психоанализ погрузил нас в динамическую теорию сознания, придал практический характер изучению психических процессов, заставил сосредоточиться на детской психологии и истории отдельного человека. Наконец, он выявил скрытые, непризнанные стороны человеческой жизни.

Открытое обсуждение секса, различных постыдных, скверных и тщеславных человеческих проявлений – то, за что психоанализ более всего осуждают и бранят, – на мой взгляд, имеет наибольшую ценность для науки и должно быть с благодарностью принято исследователем человека в том случае, если он хочет изучать свой предмет свободно, без всяких помех и фиговых листков. Как ученик и последователь Хэвлока Эллиса я, например, не стал бы обвинять Фрейда в «пансексуализме» – хотя и в корне не согласен с его пониманием сексуального импульса. Но я и не намерен соглашаться с его взглядами против своей воли, с ханжеским благочестием отмыв руки от грязи, которой они покрыты. Человек – это животное; в этом качестве он бывает временами нечист, и честный антрополог не может отрицать этот факт. Претензия ученого к психоанализу заключается не в том, что психоанализ рассуждает о сексуальности в открытую и во всех подробностях, но в том, что рассуждает он о ней неверно.

Что касается непростой истории настоящего издания, первые две части были написаны намного раньше остальных. Многие изложенные там идеи были сформулированы, когда я изучал жизнь меланезийских общин на коралловом архипелаге. Замечания моего друга профессора Ч. Г. Селигмана и литература, которой он меня любезно снабдил, побудили меня задуматься о том, каким образом в обществе, основанном на материнском праве, могли появиться Эдипов комплекс и другие проявления «бессознательного». Непосредственные наблюдения

---

¹ Резкая перемена (фр.). – Примеч. пер.

над устройством матрилинейного комплекса у меланезийцев, насколько мне известно, являются первым случаем применения теории психоанализа к изучению примитивной жизни и как таковые могут представлять интерес для исследователей человека, его сознания и культуры. Мои выводы изложены в терминах более психоаналитических, чем мне бы того хотелось. Но даже и при этом я обхожусь в основном такими словами, как «комплекс» и «вытеснение», и использую их в совершенно определенном и эмпирическом смысле.

Продолжая читать работы Фрейда, я обнаружил, что все менее и менее склонен безоговорочно принимать его выводы, не говоря уж о тех выводах, к которым приходят каждый отдельный вид и подвид психоанализа. Как антрополог я совершенно убежден в том, что амбициозные теории, касающиеся диких племен, гипотезы возникновения человеческих институтов и истории культуры, должны основываться на достоверном знании примитивной жизни, а также сознательных и бессознательных аспектов человеческого разума. В конце концов, групповой брак, тотемизм, избегание тещи или свекрови, а также магия происходят отнюдь не в «бессознательном»; все они – неопровержимые социологические и культурные факты, и для их теоретического обобщения требуется такой опыт, который нельзя приобрести в кабинете психоаналитика. В том, что мои опасения оправданны, я убедился, внимательно изучив «Тотем и табу», «Психологию масс и анализ человеческого "Я"» Фрейда, «Австралийский тотемизм» Рохейма и антропологические работы Рейка, Ранка и Джонса. Мои выводы обосновываются в третьей части этой книги.

В последней части книги я попытался изложить свои вытекающие из эмпирических наблюдений представления о происхождении культуры. Я в общих чертах описываю изменения, которые должна была претерпеть животная природа людей под воздействием аномальных условий культуры. Прежде всего я стремлюсь показать, что вытеснение сексуального инстинкта и определенного рода «комплекс» должны были появиться как своеобразный психический побочный продукт создания культуры.

Последняя часть книги – об инстинкте и культуре, является, на мой взгляд, наиболее важной и в то же время наиболее спорной. Это первая в своем роде работа, по крайней мере, с антропологической точки зрения: попытка освоения «ничейной территории» – промежуточной области между наукой о человеке и наукой о животных. Конечно, большинство моих аргументов нужно будет пересмотреть, но я полагаю, что благодаря им были поставлены важные вопросы, которые рано или поздно должны быть проанализированы биологами, зоопсихологами, а также исследователями культуры.

Что касается зоопсихологии и биологии, тут мне пришлось ограничиться самым общим кругом чтения. Я опирался в основном на работы Дарвина и Хэвлока Эллиса; профессоров Ллойда Моргана, Херрика и Торндайка; д-ра Хипа, д-ра Келера и г-на Пайкрофта, а также на сведения, которые можно найти в социологических книгах Вестермарка, Хобхауса, Эспинаса и др. Я не даю подробных ссылок в этой работе и хотел бы здесь подчеркнуть, сколь многим обязан работам профессора Ллойда Моргана, чья концепция инстинкта представляется мне наиболее адекватной и чьи наблюдения я нашел наиболее полезными. Я слишком поздно обнаружил, что вкладываю несколько иной смысл в термины *инстинкт* и *привычка*, нежели профессор Ллойд Морган, и что то же касается и наших с ним представлений о *пластичности инстинктов*. Я не думаю, что это предполагает серьезное расхождение мнений. Я также полагаю, что культура открывает новое измерение пластичности инстинктов и что зоопсихологу будет полезно познакомиться с вкладом антрополога в эту проблему.

Я выражаю признательность за вдохновение и помощь в подготовке книги моим друзьям г-же Бренде З. Селигман (Оксфорд); д-ру Р. Х. Лоуи и профессору Креберу из Калифорнийского университета; г-ну Ферту (Новая Зеландия); д-ру В. А. Уайту (Вашингтон) и д-ру Г. С. Салливану (Балтимор); профессору Херрику из Чикагского университета и д-ру Гинзбергу из Лондонской школы экономики; д-ру Дж. В. Гамильтону и д-ру С. Е. Джеллиффу (Нью-Йорк);

д-ру Э. Миллеру (клиника Харли-стрит); г-ну и г-же Хайме де Ангуло (Беркли, Калифорния) и г-ну Ч. К. Огдену (Кембридж); профессору Радклифф-Брауну (Кейптаун и Сидней) и г-ну Лоренсу К. Франку (Нью-Йорк). Полевые исследования, которые легли в основу этой книги, стали возможны благодаря щедрости г-на Роберта Монда.

Компетентная критика моего друга Пауля Кунера из Вены, которому посвящена эта книга, позволила мне яснее сформулировать мои идеи по данному предмету и по многим другим.

Б. М.

Кафедра антропологии

Лондонской школы экономики, февраль 1927 г.

После долгого пренебрежения импульсами в пользу ощущений современная психология начинает инвентаризацию и описание инстинктивных видов деятельности. Это, бесспорно, положительное явление. Но когда она пытается объяснить сложные события в личной и общественной жизни путем прямой отсылки к этим природным силам, объяснение становится туманным и надуманным...

Прежде чем говорить о психологическом элементе в обществе, нужно понять, какие именно социальные условия преобразовали первоначальную деятельность в четко выраженные и значимые обычаи. В этом состоит подлинное значение социальной психологии... Человеческая природа поставляет сырье, но обычай определяет структуру и устройство... Человек привержен привычке, а не разуму или инстинкту.

Психоаналитическое понимание секса наиболее поучительно, потому что оно со всей очевидностью демонстрирует нам, к чему приводит искусственное упрощение социальных следствий и преобразование их в психические причины. Писатели, обычно мужчины, рассуждают о психологии женщин так, словно имеют дело с платоновской универсальной сущностью... Явления, представляющие собой типичные признаки современной западной цивилизации, они трактуют так, как если бы те с неизбежностью вытекали из неизменных естественных импульсов человеческой природы...

ДЖОН ДЬЮИ

«Человеческая природа и поведение»

I. Формирование комплекса

1. Постановка проблемы

Психоанализ зародился в медицинской практике, и его теории имеют главным образом психологическую природу, но он также тесно связан с двумя другими отраслями знания – биологией и социологией. Возможно, одна из главных заслуг психоанализа – образование еще одной связи между этими тремя разделами науки о человеке. Психологические взгляды Фрейда – его теории конфликта, вытеснения, бессознательного, формирования комплексов – образуют наиболее разработанную, собственно психоаналитическую, часть его учения. Биологическая доктрина – представления о сексуальности в ее соотношении с другими инстинктами, концепт «либидо» и различных его трансформаций – является наименее разработанным и наиболее противоречивым разделом теории, чаще всего подвергающимся критике, отчасти необоснованной, отчасти справедливой. Социологический аспект, интересующий нас прежде всего, заслуживает большего внимания. Любопытно, что, хотя социология и антропология послужили основным источником фактического материала для психоанализа и хотя учение об Эдиповом комплексе имеет, очевидно, социологический аспект, этот аспект получил наименьшее развитие.

Теория психоанализа – это, в сущности, теория влияния семейной жизни на психику человека. Нам показывают, как сильные эмоции, стрессы и конфликты ребенка с отцом, матерью, братом и сестрой формируют по отношению к ним определенные устойчивые психические установки, или сентименты, которые, отчасти сохраняясь в памяти, отчасти в бессознательном, влияют на дальнейшую жизнь человека в обществе. Я употребляю здесь слово *сентимент* в том особом значении, которое сообщает ему теория эмоций и инстинктов А. Ф. Шанда со всеми подразумеваемыми ею важными смысловыми оттенками.

Социологическая природа этого учения очевидна: вся фрейдистская драма разыгрывается в пределах социальной организации определенного типа, в узком кругу семьи, состоящей из отца, матери и детей. Таким образом, *семейный комплекс*, – по мнению Фрейда, важнейший психологический факт, – обусловлен воздействием определенной социальной группировки на человеческое сознание. Опять же, психический отпечаток, возникший в ранние годы, оказывает влияние на дальнейшую социальную жизнь человека в том смысле, что предрасполагает его к образованию определенных связей, формирует рецептивные установки и творческий потенциал в области традиции, искусства, знания и религии.

Итак, на взгляд социолога, к психологической трактовке комплекса необходимо добавить две социологические главы: введение, где бы описывалась социологическая природа влияния семьи, и эпилог, в котором содержится анализ значения комплекса для общества. Отсюда для социолога вытекают две проблемы.

Первая проблема. Если семейная жизнь имеет столь судьбоносное значение для человеческой психики, ее характер заслуживает большего внимания, поскольку ясно, что в каждом общественном строе – своя *семья*. Ее устройство значительно варьируется в зависимости от уровня развития и характера цивилизации, и она по-разному выглядит в различных стратах одного и того же общества.

Согласно теориям, до сих пор не утратившим своей актуальности среди антропологов, семья чрезвычайно изменилась в ходе развития человечества: от первой промискуитетной формы, основанной на сексуальном и экономическом коммунизме, через «групповую семью», основанную на «групповом браке», «кровнородственную семью», основанную на «пуналуаль-

ном браке», *Grossfamilie*² и клановое родство к итоговой форме – современной индивидуальной семье, основанной на моногамном браке и *patria potestas*³. Помимо таких антропологических построений, в которых нехватка фактов сочетается с избытком теории, мы располагаем непосредственными наблюдениями за жизнью современных диких племен, также свидетельствующими о множестве вариантов устройства семьи. Различия зависят от того, каким образом распределяется *власть*: будучи в той или иной степени закрепленной за отцом, она порождает различные формы патриархата; будучи закрепленной за матерью – различные подвиды материнского права. Значительно различаются способы счета происхождения и наследования – матрилинейность вследствие незнания отца и патрилинейность, несмотря на это незнание; патрилинейность, вследствие обладания властью и патрилинейность по экономическим причинам. Кроме того, устройство семьи среди различных рас и народов зависит от особенностей расселения, жилищных условий, источников пищи, разделения труда и т. д.

Следовательно, возникает проблема: меняются ли вместе с устройством семьи конфликты, страсти и привязанности или они одни и те же для всего человечества? Если они меняются, как это в действительности и происходит, то нуклеарный семейный комплекс также не может быть константой для всех человеческих рас и народов; он должен варьироваться в зависимости от устройства семьи. Главная задача теории психоанализа, таким образом, заключается в изучении пределов варьирования, разработке адекватной формулы и, наконец, в исследовании исключительных видов устройства семьи и определении соответствующих форм нуклеарного комплекса.

Пожалуй, за одним только исключением⁴, эта проблема прежде не ставилась – во всяком случае, в отчетливом виде. Единственный комплекс, признающийся школой Фрейда и считающийся ее представителями универсальным – я имею в виду Эдипов комплекс – соответствует по преимуществу нашей патрилинейной арийской семье с сильной *patria potestas*, за которой стоят римское право, христианская мораль и современные экономические условия жизни зажиточной буржуазии. Тем не менее предполагается, что этот комплекс существует в каждом примитивном или варварском обществе. Конечно, это не так, и детальное рассмотрение первой проблемы покажет нам, насколько это допущение неверно.

Вторая проблема. Какова природа влияния семейного комплекса на формирование мифа, предания и сказки, на определенные дикарские и варварские обычаи, виды социальной организации и достижения материальной культуры? Существование этой проблемы, безусловно, признано авторами-психоаналитиками, применяющими принципы психоанализа к изучению мифа, религии и культуры. Но теория о влиянии семьи на культуру и общество посредством семейного комплекса не была проработана должным образом. Большая часть представлений, имеющих отношение ко второй проблеме, требует тщательного пересмотра с социологической точки зрения. С другой стороны, конкретные решения актуальных мифологических проблем, предложенные Фрейдом, Ранком и Джонсом, намного убедительнее, чем их общий принцип, что «миф – это извечный сон расы».

Психоанализ, подчеркивая, что интерес примитивного человека сосредоточен на нем самом и людях вокруг него и имеет конкретную и динамическую природу, стал правильным основанием для психологии примитивного общества, в которой до этого часто господствовали ложные представления о бесстрастном отношении человека к природе и склонности к философским размышлениям о своем уделе. Но игнорирование первой проблемы и молчаливое

² Большая семья (*нем.*) – состоящая из трех и более поколений. – *Примеч. пер.*

³ Отцовская власть (*лат.*). – *Примеч. пер.*

⁴ Я говорю о работе Дж. К. Флюгеля «Психоаналитическое исследование семьи» (*Flügel J. C. The Psycho-Analytic Study of the Family*), которая хотя и написана психологом, во всех отношениях ориентирована в социологическом направлении. В последних главах, особенно в XV и XVII, представлен, в сущности, подход к решению настоящей проблемы, хотя автор и не формулирует ее явным образом.

допущение, что Эдипов комплекс существует во всех типах общества, привели к тому, что в антропологические работы психоаналитиков закрались определенные ошибки. Таким образом, они не могут получить правильные результаты, когда пытаются проследить Эдипов комплекс, преимущественно патриархальный по своему характеру, в матрилинейном обществе; или легкомысленно выдвигают гипотезы группового брака или промискуитета, как если бы не требовалась особая осторожность при разговоре об условиях, совершенно отличных от условий нашей семьи, какой она предстает в практике психоанализа. Усугубляя эти противоречия, психоаналитик, занимающийся антропологией, выдвигает гипотетическое предположение об определенном типе первобытной орды или о доисторическом прообразе тотемического жертвоприношения или о сновидческом характере мифа, обычно совершенно несовместимое с фундаментальными принципами самого психоанализа.

Первая часть настоящей работы представляет собой, в сущности, попытку на основании результатов непосредственного наблюдения за жизнью диких племен проанализировать первую проблему – зависимость нуклеарного комплекса от устройства семьи. Рассмотрение второй проблемы будет предпринято во второй части, а в последних двух частях те же вопросы обсуждаются в целом.

2. Семья при отцовском праве и материнском праве

Лучший способ рассмотреть первую проблему – как устройство семьи в том или ином обществе влияет на особенности «семейного комплекса» – подойти к вопросу эмпирически, проследить формирование комплекса в жизни типичной семьи и в случае, если речь идет о различных цивилизациях, провести сравнительный анализ. Я не предлагаю здесь исследовать все формы семьи, но намерен сравнить подробно два типа, известные мне по личным наблюдениям: патрилинейную семью в современной цивилизации и матрилинейную семью некоторых островных сообществ в Северо-Западной Меланезии. Однако эти два случая представляют собой, пожалуй, наиболее радикально различающиеся типы семьи среди всех известных социологам и тем самым вполне отвечают нашей цели.

Опишем в нескольких словах жителей Тробрианских островов Северо-Восточной Новой Гвинеи (или Северо-Западной Меланезии), чья культура, наряду с нашей собственной, будет предметом нашего анализа.

Эти туземцы матрилинейны, т. е. их общественный строй предполагает счет родства только по матери, и счет происхождения и наследования ведется по женской линии. Это значит, что мальчик или девочка принадлежат к семье, клану и общине матери: мальчик наследует титулы и социальное положение брата матери, и имущество переходит к ребенку не от отца, а от дяди по матери или тети по матери соответственно.

Все мужчины и женщины на Тробрианских островах со временем обзаводятся семьей – после периода детских сексуальных игр, сменяющегося ничем не стесняемой свободой в юности и затем более постоянной совместной жизнью влюбленных в «холостяцком доме», который они делят с двумя или тремя другими парами. Брак – обычно моногамный, за исключением вождей, имеющих по несколько жен, – это стабильный союз, подразумевающий сексуальную исключительность, совместное экономическое существование и независимое домашнее хозяйство.

На первый, поверхностный взгляд может показаться, что это в точности такой же брак, какой принят у нас. Однако в действительности он совершенно иной. Во-первых, муж не считается отцом детей в обычном для нас смысле; согласно представлениям туземцев, которым неведома идея физического отцовства, он не имеет никакого отношения к их рождению с физиологической точки зрения. Дети, по туземным поверьям, это крошечные духи, помещаемые в лоно матери, как правило, через посредство духа ее покойной кровной родственницы⁵. Муж должен защищать детей и заботиться о них, «принять их в свои объятия», когда они рождаются, но они – не «его» дети в том смысле, что он участвовал в их зачатии.

Таким образом, отец – это любимый, доброжелательный друг, но не признанный официально кровный родственник детей. Он – посторонний человек, пользующийся авторитетом благодаря личным отношениям с ребенком, а не социальному положению в роду. Кровное родство, т. е. тождество материи, «та же плоть», связывает ребенка только с матерью. Власть над детьми принадлежит брату матери. Согласно строгому табу, запрещающему любые дружеские отношения между братьями и сестрами, он не может быть близок с матерью и, следовательно, с ее семейством. Она признает его власть и склоняется перед ним, как простой человек склоняется перед вождем, но между ними не может быть нежных отношений. Ее дети при этом – его единственные наследники и потомки, и он обладает над ними непосредственной властью. После его смерти его собственность переходит к ним, и в течение своей жизни он должен пере-

---

⁵ См. мои работы: «Отец в примитивной психологии» (The Father in Primitive Psychology // Psyche Miniatures. 1927) и «Балома – духи мертвых» (Малиновский Б. Балома: духи мертвых на Тробрианских островах // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004).

дать им все особые умения, которыми владеет, – танцы, песни, мифы, магию и ремесла. Он также кормит сестру и ее семью, большая часть того, что выращивается в его саду, идет им. Итак, от отца дети ждут только любящей заботы и нежной дружбы. Брат их матери олицетворяет собой принцип дисциплины, авторитета и исполнительной власти в семье⁶.

Жена относится к мужу отнюдь не подобострастно. У нее есть свое имущество и своя собственная сфера влияния, частная и общественная. Дети никогда не видят, чтобы отец грубо обращался с матерью. В то же время отец только отчасти является кормильцем семьи и главным образом должен работать на своих сестер, и мальчики знают, что, когда вырастут, должны будут в свою очередь работать на своих сестер.

Брак ориентирован на отца: жена переходит в дом и общину мужа, если происходит из другой, как это обычно бывает. Дети, следовательно, растут в общине, официально им чуждой, не имея ни права на землю, ни законного права гордиться своей деревней; их дом, имущество, малая родина, родовая гордость относятся к другому месту. Это двоякое влияние порождает странные сочетания и путаницу.

С раннего возраста сыновья и дочери одной матери разделены в семье в соответствии со строгим табу, запрещающим любые близкие отношения между ними и, прежде всего, предписывающим им не иметь никаких общих дел, как-либо связанных с сексуальной сферой. Так, табу запрещает брату, во всем остальном пользующемуся властью над сестрой, пускать в ход эту власть, когда речь идет о ее браке. Следовательно, право давать или не давать согласие на брак остается за родителями, и отец – муж ее матери – наделен наибольшими полномочиями только в этом единственном случае.

Огромная разница между двумя типами семьи, составляющими предмет нашего анализа, начинает проявляться. Во главе семьи нашего типа стоит властный, авторитарный муж и отец, пользующийся поддержкой общества⁷. Также наше экономическое устройство отводит ему роль кормильца семьи, который может – по крайней мере, номинально – быть щедрым или скупым, на свое усмотрение. На Тробрианских островах, напротив, мать независима, а муж не имеет никакого отношения к зачатию детей, не является кормильцем семьи, не может оставить детям свое имущество и не имеет над ними власти в социальном смысле. Родственники же матери обладают большим влиянием, особенно ее брат – кормилец семьи, чье имущество сыновья наследует после его смерти. Таким образом, в этом отношении социальная жизнь и семья тробрианцев организованы совершенно иначе, чем в нашей культуре.

При том, что семейная жизнь матрилинейного общества представляет интерес для изучения, может показаться излишним останавливаться на нашей собственной семейной жизни, которую все мы так хорошо знаем и которая так часто обсуждается в новейшей психоаналитической литературе. Мы могли бы принять ее как нечто само собой разумеющееся. Но, во-первых, строгий компаративный подход требует четких представлений о сравниваемых объектах; а во-вторых, поскольку приводимые здесь матрилинейные данные получены с помощью специальных методов антропологической полевой работы, европейский материал должен быть представлен в том же виде – как если бы он был получен с помощью тех же методов научного

---

⁶ Описание необычного экономического устройства этих туземцев вы найдете в моей статье «Примитивная экономика» (*Primitive Economics // Economic Journal*, 1921) и книге «Аргонавты западной части Тихого океана», гл. II и VI (*Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана*. М.: РОССПЭН, 2004). Правовое устройство исчерпывающе описано в моей книге «Преступление и обычай в обществе дикарей» (1926 г.) (*Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры*. М.: РОССПЭН, 2004).

⁷ Я хотел бы отметить, что, хотя под «нашей собственной» цивилизацией я имею в виду европейское и американское общество в целом, прежде всего я говорю о «типичной» европейской семье, поскольку выводы психоанализа основаны на этом материале. Я не берусь сказать, существует ли среди высших социальных слоев западноевропейских или североамериканских городов тенденция к установлению материнского права, скорее схожего с правовыми идеями Меланезии, чем с римским и континентальным правом. Если тезис этой книги верен, некоторые современные явления в области секса («вечеринки с поцелуями» и т. п.), а также ослабление патриархальной системы должны принципиально изменить эмоциональные установки и отношения внутри семьи.

наблюдения и проанализирован с антропологической точки зрения. Как уже отмечалось, я не нашел ни в одном психоаналитическом труде прямого и последовательного описания социальной среды; еще меньше мне удалось обнаружить сведений о том, как нуклеарный комплекс и обуславливающие его причины варьируются в нашем обществе в зависимости от социальной группы. Однако очевидно, что детские конфликты в покоях обеспеченных буржуа и в крестьянской хижине или в однокомнатной «клетушке» бедного рабочего совершенно различны. Теперь, просто для того чтобы подтвердить истинность психоаналитической доктрины, было бы полезно рассмотреть низшие, грубые слои общества, где вещи называются своими именами, где ребенок находится в постоянном контакте с родителями, живет и ест в одной с ними комнате и спит в одной с ними постели, где никакой «заместитель родителя» не осложняет картину, хорошие манеры не умеряют животные инстинкты и где мелкие дразги и соперничество повседневной жизни выливаются в ожесточенную, хотя и затаенную вражду⁸.

Мы можем добавить, что изучение социальных и биологических оснований нуклеарного комплекса с целью дальнейшего применения этого понятия в фольклористике настоятельно требует учитывать крестьян и необразованные классы. Это объясняется тем, что народные традиции берут начало в обстоятельствах, скорее напоминающих жизненные условия современного крестьянина или бедного ремесленника Центральной и Восточной Европы, нежели жизненные условия раскормленных нервических жителей Вены, Лондона или Нью-Йорка.

Для ясности сравнения я разделю детство на этапы и каждый из них буду рассматривать отдельно, описывая и сравнивая их в обоих обществах. Для осмысления нуклеарного комплекса важно четко различать этапы семейной жизни, поскольку психоанализ – и это действительно одна из главных его заслуг – раскрыл ярусность человеческого сознания и показал его примерное соответствие этапам развития ребенка. Определенные периоды сексуальности, кризисы, сопутствующие регрессии и амнезии, когда некоторые воспоминания вытесняются в сферу бессознательного, – все это предполагает четкое разделение жизни ребенка на периоды⁹. Для нашей цели достаточно выделить четыре периода в развитии ребенка, определяемые биологическими и социальными факторами.

Младенчество – период, когда ребенок полностью зависим от матери, нуждается в грудном питании и защите, не может самостоятельно двигаться, не может сообщить свои мысли и желания. Мы будем исходить из того, что этот период длится от рождения до времени отнятия от груди. В диких племенах он продолжается около двух-трех лет. В цивилизованном обществе он намного короче – как правило, около года. Но для разделения детства на этапы лучше ориентироваться на естественные сроки. Ребенок в этом возрасте физиологически привязан к семье.

Раннее детство – возраст, в котором ребенок, incapable пока еще существовать независимо от матери, тем не менее может двигаться, говорить и самостоятельно играть рядом с ней. Мы будем исходить из того, что этот период длится три или четыре года и, таким образом, завершается примерно в возрасте шести лет. На этот период жизни приходится первый

---

⁸ Мои личные познания о жизни, обычаях и психологии восточноевропейских крестьян подтверждают глубокую разницу между необразованными и образованными классами одного и того же общества в том, что касается психологических установок родителей по отношению к детям и детей – к родителям.

⁹ Хотя разделение на несколько отдельных этапов играет важнейшую роль во фрейдовском понимании детской сексуальности, в его наиболее обстоятельной работе на эту тему («Три очерка по теории сексуальности») последовательные этапы не представлены ни явным, ни неявным образом. Это несколько затрудняет чтение книги для неспециалиста в психоанализе и порождает определенные двусмысленности и противоречия, действительные и мнимые, которые автор настоящей книги пока не разрешил полностью. Прекрасное в остальном флюгелевское толкование положений психоанализа (*Flügel. The Psycho-Analytic Study...*) также грешит этим недостатком, что очень досадно в работе, которая ставит своей целью прояснение и систематизацию доктрины. Слово «ребенок» используется на протяжении книги то в значении «младенец», то в значении «подросток», и смысл, как правило, приходится понимать из контекста. Я надеюсь, что в этом отношении настоящий труд будет бесполезен.

постепенный разрыв семейных связей. Ребенок учится быть самостоятельным и независимым от семьи.

Детство – достижение относительной независимости, время бесцельных прогулок и игр с другими детьми. Это также время, когда во всех ответвлениях человечества и во всех социальных классах ребенок так или иначе принимается в полноправные члены общества. Некоторые дикие племена проводят подготовительные ритуалы инициации. Другие племена и наши крестьяне и рабочие, особенно в материковой Европе, начинают обучать ребенка принципам хозяйствования. В западноевропейском и американском обществах в этом возрасте дети отправляются в школу. Это период второго разрыва с семьей, и он длится вплоть до пубертатного периода, имеющего естественные временные границы.

Подростковый возраст – от физиологического созревания до полной социальной зрелости. В жизни многих диких племен этот период включает в себя основные обряды инициации; в других племенах в этот период на незамужних девушек и неженатых юношей начинают распространяться племенные закон и порядок. В современном цивилизованном обществе это время средней и старшей ступеней школы или завершающего периода профессионального обучения. Это время окончательного выхода из-под родительской опеки. В диких племенах и низших слоях нашего общества обычно он заканчивается браком и созданием новой семьи.

3. Первый этап семейной драмы

Полная зависимость детеныша от матери характерна для всех млекопитающих: от матери зависят питание, защита, тепло, чистота и физический комфорт ребенка. Этим потребностям соответствуют различные виды телесного взаимодействия матери и ребенка. Физиологически мать испытывает сильную инстинктивную привязанность к ребенку, а ребенок тянется к материнскому организму, нуждаясь в тепле ее тела, безопасности ее объятий и, прежде всего, в ее молоке и контакте с ее грудью. Сначала их связь определяется избирательным пылом матери – ей дорог только ее ребенок, а ребенка устроит грудь любой кормящей женщины. Но вскоре ребенок также начинает отличать мать, и его привязанность к ней приобретает индивидуальный, исключительный характер. Таким образом, при рождении между матерью и ребенком устанавливается пожизненная связь.

Эта связь основана на том биологическом факте, что в раннем возрасте млекопитающие не могут обходиться без посторонней помощи, и, следовательно, выживание вида зависит от одного из сильнейших инстинктов – инстинкта материнской любви. Но общество спешит вмешаться и добавить к мощному голосу природы свой поначалу шаткий закон. Во всех человеческих обществах, как диких, так и цивилизованных, обычаи, право и нравы, иногда даже религия признают связь между матерью и ребенком обычно уже в первые месяцы беременности. Мать, а иногда и отец должны соблюдать различные табу и ограничения либо проводить обряды, чтобы обеспечить благополучие новой жизни в лоне матери. Рождение ребенка – всегда значимое общественное событие, с которым связаны многие традиции и практики, часто религиозные. Таким образом, наиболее естественная и непосредственно биологическая связь – связь между матерью и ребенком – имеет как общественное, так и физиологическое измерение и не может быть описана без указания на влияние традиций и обычаев общества.

Попробуем кратко обобщить и охарактеризовать эти социальные содетерминанты материнства в нашем собственном обществе. Материнство – нравственный, религиозный и даже художественный идеал цивилизованного мира, беременная женщина защищена законом и обычаем и является объектом поклонения, сама же она в своем положении должна быть счастливой и гордой. Осуществимость этого идеала подтверждается историческими и этнографическими данными. Даже в современной Европе ортодоксальные польские евреи сохраняют это отношение, и для них беременная женщина – объект почитания. В христианских арийских обществах среди низших классов беременность воспринимается как обуза и помеха; среди состоятельных людей – как неудобство, затруднение и причина временного изгнания из обычной социальной жизни. Поскольку мы, таким образом, должны признать важность дородовой эмоциональной установки матери относительно будущего ребенка и поскольку подобная установка в значительной степени зависит от социальной среды и социальных ценностей, необходимо более тщательно изучить эту социологическую проблему.

Общество одобряет и подкрепляет биологические особенности и инстинктивные импульсы матери; многие социальные обычаи, идеалы, этические нормы направлены на то, чтобы мать была нянькой своему ребенку, и это в целом характерно как для низших, так и для высших классов почти всех народов Европы. Однако даже эти фундаментальные, биологически обусловленные отношения подвергаются значительным абберациям в определенных обществах вследствие установившихся обычаев и слабости врожденных импульсов. Так, во Франции среди средних слоев было принято отдавать ребенка кормилице на первый-второй годы жизни; не менее пагубным был обычай нанимать кормилицу или давать младенцу искусственную пищу для сохранения формы груди матери – когда-то он был широко распространен среди обеспеченных классов, но сейчас осуждается как противоестественный. Здесь вновь

нужно добавить социологические штрихи к картине материнства с учетом изменений, которые она претерпевает вследствие национальных, экономических и этических различий.

Рассмотрим теперь те же отношения в матрилинейном обществе побережья Тихого океана. Меланезийка неизменно выказывает горячую любовь к своему ребенку, и окружающее общество поддерживает, поощряет и идеализирует ее чувства посредством традиций и обычаев. С первого месяца беременности женщина должна заботиться о благополучии будущего ребенка, соблюдая ряд пищевых табу и другие ограничения. Беременная женщина традиционно является объектом поклонения, идеалом, полностью претворенным в жизнь в поведении и чувствах туземцев. При первой беременности проводится сложная церемония, с несколько неясной целью, но подчеркивающая важность события и оказывающая почет беременной женщине.

После родов мать и ребенок уединяются примерно на месяц, мать постоянно занимается ребенком, нянчит его, и в хижину допускаются только определенные родственники женского пола. Усыновление ребенка в обычных обстоятельствах – крайне редкое явление, и даже в этом случае ребенка отдают только после того, как отлучили от груди; и ни при каких обстоятельствах его не могут усыновить посторонние люди, только ближайшие родственники. Ряд обрядов, таких как ритуальное омовение матери и ребенка, особые табу, соблюдаемые матерью, соединяют мать и дитя узами обычая в дополнение к естественным узам¹⁰.

Таким образом, в обоих обществах биологический инстинкт дополняется социальными установлениями обычая, этических норм и нравов, и все они работают в одном направлении, усиливая связь матери и ребенка, создавая условия для полной реализации радости материнства. Это согласие между социальными и биологическими факторами является залогом полного удовлетворения и высочайшего блаженства. Общество объединяется с природой, чтобы воспроизвести условия счастливого пребывания плода в утробе, нарушенные травмой рождения. Доктор Ранк в работе, которая уже признана значимой для развития психоанализа¹¹, показал, насколько важны для последующей жизни внутриутробное существование и память о нем. Что бы мы ни думали о «травме» рождения, первые месяцы жизни после рождения, бесспорно, повторяют благодаря действию как биологических, так и социологических факторов блаженное состояние ребенка, прерванное «травмой» отнятия от груди. Исключения можно найти только среди высших слоев цивилизованного общества.

Еще большие различия между патрилинейной и матрилинейной семьей в этот период обнаруживаются в вопросе отцовства. Достаточно неожиданно, что в примитивном обществе, которому неведома физическая связь отца с ребенком и где царит материнское право, отец должен поддерживать куда более близкие отношения с ребенком, чем это обычно бывает в нашем обществе. В нашем собственном обществе отец играет незначительную роль в жизни грудного ребенка. Согласно обычаям, традициям и нравам отец из обеспеченных слоев не допускается в детскую комнату, а крестьянин или рабочий вынужден оставлять ребенка и жену одних на большую часть суток. Его может возмущать, что ребенок требует к себе столько внимания и что забота о нем отнимает столько времени, но, как правило, он и не помогает, и не мешает управляться с маленьким ребенком.

Для меланезийцев, как мы знаем, «отцовство» – исключительно социальная связь. Отчасти она определяется его долгом перед детьми жены; он должен «принять их в свои объятия» – мы уже цитировали эту фразу; должен нести их, если в походе мать устала, и должен помо-

---

¹⁰ Важная форма табу, соблюдаемая матерью после рождения ребенка, – сексуальное воздержание. Прекрасное описание высоких нравственных взглядов туземцев в связи с этим обычаем можно найти в книге Дж. Питт-Риверса «Контакт рас и культурный конфликт» (*Pitt-Rivers G. The Contact of Races and Clash of Culture. 1927. Ch. VIII. Sec. 3*).

¹¹ «Травма рождения» (*Das Trauma der Geburt, 1924*). Излишне говорить, что выводы доктора Ранка в этой книге совершенно неприемлемы для автора данной работы, который не только не признает последних достижений психоанализа, но даже и не понимает их смысла.

гать ей заботиться о них дома. Он обслуживает, моет их, и в меланезийском языке существует множество стандартных выражений, описывающих тяготы отцовства и сыновнюю благодарность. Типичный отец на Тробрианских островах – трудолюбивая, добросовестная нянька, и в этом он следует чувству долга, отраженному в социальной традиции. Тем не менее отец всегда искренне интересуется своими детьми, иногда даже страстно, и исполняет все свои обязанности усердно и с любовью.

Итак, сравнивая патриархальное и матриархальное отношения к ребенку на этом первом этапе, мы видим, что главное отличие заключается в роли отца. В нашем обществе отец исключен из ситуации и в лучшем случае исполняет второстепенную роль. На Тробрианских островах он играет весьма активную роль, и это позволяет ему создать куда более прочную и нежную связь с детьми. В обоих обществах, за редкими исключениями, невелика вероятность возникновения конфликта между биологическими тенденциями и социальными условиями.

4. Отцовство при материнском праве

Мы переходим к тому периоду, когда ребенок уже отлучен от груди, учится ходить и начинает говорить. Однако биологически он медленно обретает независимость от тела матери. Он не меньше тянется к матери, для него не менее важны ее присутствие, прикосновение, нежные объятия.

Это естественное, биологическое желание, но в нашем обществе желания ребенка рано или поздно пресекаются. Прежде всего надо понимать, что период, о котором мы будем говорить, начинается с процесса отлучения от груди. С этого момента блаженная гармония младенческой жизни разрушается или, по меньшей мере, видоизменяется. Среди высших классов отлучение ребенка от груди подготавливается понемногу, осуществляется постепенно и обычно проходит безболезненно. Но среди низших классов в нашем обществе отлучение от груди – обычно тяжелое испытание для матери и, конечно, для ребенка. Позже другие силы начинают препятствовать близости матери и ребенка, с которым на этом этапе происходят разительные изменения. Он обретает независимость в движениях, может самостоятельно есть, выражать свои чувства и мысли, начинает понимать и наблюдать. В высших классах общества мать и ребенок разлучаются постепенно. Это не вызывает шока у ребенка, но оставляет в его жизни пустоту, тоску и неудовлетворенное желание. В низших классах, где ребенок спит в одной постели с родителями, в какой-то момент это начинает вызывать неудобства, ребенок становится помехой и страдает от более грубого обращения.

Чем материнство на коралловых островах Новой Гвинеи отличается на этом этапе от материнства в нашем обществе? Во-первых, отлучение ребенка от груди происходит намного позже, когда ребенок уже самостоятелен, может бегать, играть, ест практически любую пищу и имеет другие интересы; т. е. это происходит тогда, когда ребенок сам не нуждается более в молоке матери, и таким образом исключается первая детская травма.

«Матриархат» – право матери, ни в коем случае не означает власть жестоких, страшных мегер. Матери на Тробрианских островах холят и лелеют своих детей, играют с ними в это время так же ласково, как и на более раннем этапе, и это поведение поддерживается обычаями и этическими нормами. Также в соответствии с законом, обычаями и традициями ребенка и мать связывают более тесные узы, чем жену и мужа, чьи права подчинены правам ребенка. Психология семейных отношений, следовательно, имеет иной характер, и отторжение ребенка отцом происходит редко, если вообще происходит. Другое различие между меланезийской и типичной европейской матерью заключается в том, что первая – куда более снисходительна: ребенка воспитывают мало и почти не занимаются его нравственным воспитанием, и поскольку все прочие процессы начинаются позже и осуществляются другими людьми, для жестокости не остается места. Это отсутствие материнской дисциплины предотвращает, с одной стороны, такие отклонения, как суровость, иногда имеющая место в нашем обществе; с другой же стороны, вследствие этого ребенок теряет интерес, желание угодить матери и получить ее одобрение. Как мы помним, в нашем обществе это желание – одна из основ сыновней привязанности, позволяющая установить длительную связь в последующей жизни.

Если вернуться к роли отца, мы видим, что в нашем обществе, вне зависимости от национальности или общественного класса, отец по-прежнему имеет статус патриарха¹². Он – глава семьи и существенное звено рода, он также кормилец семьи.

---

¹² Здесь я вновь должен сделать исключение для современной американской и британской семьи. Отец постепенно теряет свое положение патриарха. Однако, поскольку этот процесс еще не завершен, было бы неразумно брать его здесь в расчет. Я полагаю, психоанализ не может надеяться сохранить концепцию Эдипова комплекса для будущих поколений, которые будут знать только слабovolного отца, находящегося под каблуком у жены. К нему дети будут испытывать скорее жалость и снисходительность, чем страх и ненависть!

Будучи абсолютным правителем в семье, он может стать тираном, и в этом случае между ним и женой, между ним и детьми возникают всевозможные конфликты. Их особенности во многом определяются социальной средой. В обеспеченных слоях западного цивилизованного мира ребенок отделен от отца множеством установлений. Хотя ребенок постоянно находится под присмотром няни, обычно о нем также заботится и осуществляет контролирующую функцию мать, и в этом случае она почти всегда становится главным объектом привязанности ребенка. Отец, с другой стороны, редко появляется на горизонте ребенка, причем, как правило, только в качестве стороннего наблюдателя и чужака, в присутствии которого ребенок должен хорошо себя вести, рисоваться и показывать себя. Отец для ребенка – это власть и наказание, и это делает его устрашающей фигурой. Обычно результатом становятся смешанные чувства; он – идеальное существо, вокруг него вертится мир; и в то же время он – «великан-людоед», которого ребенок должен бояться и для удобства которого, как вскоре понимает ребенок, организовано все в доме. Любящий и сочувствующий отец легко исполнит роль полу-бога. Напыщенный, неласковый или бестактный вскоре вызовет подозрительность и даже ненависть ребенка. По отношению к отцу мать становится посредником, иногда готовым донести о шалостях ребенка вышестоящим органам, но в то же время способным встать на его защиту и отвратить наказание.

В случае с бедными крестьянами или рабочими Центральной и Восточной Европы, которые всем семейством делят одну комнату и даже одну кровать, картина иная, хотя результаты сходны. Отец поддерживает более тесный контакт с ребенком, что иногда позволяет развиться большей привязанности, но, как правило, приводит к хроническим и более тяжелым конфликтам. Когда отец возвращается домой уставший с работы или пьяный из трактира, он, конечно, срывает плохое настроение на домочадцах и грубо обращается с женой и ребенком. Нет ни одной деревни, ни одного бедного квартала в современном городе, где бы не имели место случаи настоящей патриархальной жестокости. Из своего личного опыта я могу привести множество случаев, когда крестьяне, вернувшись домой, исключительно ради удовольствия били детей или вытаскивали их из постели и отправляли на улицу в холодную ночь.

Даже в лучшем случае, как только отец возвращается домой с работы, дети должны вести себя тихо, прекратить шумные игры и сдерживать спонтанные, характерные для детей вспышки эмоций. Отец – также высшая карательная инстанция в бедных домах, в то время как мать выступает заступницей и часто терпит то же обращение, что и дети. Более того, в еще более бедных домах экономическая роль кормильца и социальный авторитет отца признаются еще быстрее и безоговорочнее наряду с его личным влиянием.

Роль меланезийского отца на этом этапе существенно отличается от роли европейского патриарха. Я вкратце описал в четвертой главе его общественное положение в качестве мужа и отца и роль, которую он исполняет в доме. Он не является главой семьи и ее кормильцем, и дети не ведут от него свое происхождение. Это полностью меняет его юридические права и его личное отношение к жене. Мужчина с Тробрианских островов редко ссорится с женой, едва ли когда-либо пытается обойтись с ней грубо и никогда не может установить длительную тиранию. Даже сексуальное сожителство не считается по местному закону и обычаю обязанностью жены и исключительным правом мужа, как это принято в нашем обществе. Аборигены Тробрианских островов считают, в соответствии с традициями, что муж в долгу перед своей женой за сексуальные услуги, что он должен заслужить их и затем оплатить. Один из способов, собственно, главный способ, для него выполнить свой долг – заботиться о детях и показывать свою привязанность к ним. В меланезийском языке существует множество поговорок, отражающих эти принципы в своего рода бытовом фольклоре. Для грудного ребенка муж – любящая и заботливая нянька; позже, в раннем детстве он играет с ним, носит на руках и обучает спортивным играм.

Таким образом, правовые, этические и другие традиции племени и все общественные силы создают совершенно иное положение мужчины как супруга и отца, отличное от положения патриарха. И хотя описываем мы его абстрактно, это ни в коем случае не просто формальный, отвлеченный принцип. Он выражается в каждой мелочи повседневной жизни, определяет все семейные отношения и чувства. Дети никогда не видят свою мать в подчиненном положении или жалкой зависимости от мужа, даже если она – простолюдинка замужем за вождем. Отец никогда не бьет детей; он не их кровный родственник, не их господин, не их благодетель. У него нет прав или привилегий. Тем не менее он, как и любой другой нормальный отец во всем мире, питает к ним нежную привязанность; и это чувство, вместе с его традиционными обязанностями, побуждает его пытаться завоевать их любовь и тем самым сохранить свое влияние на них.

Сравнивая отцовство в Меланезии и Европе, необходимо учитывать как биологические, так и социологические факты. С биологической точки зрения, каждый человек, несомненно, склонен испытывать нежные и теплые чувства к своим детям. Но эта склонность, по-видимому, недостаточно сильна, чтобы перевесить испытания, которые влечет за собой рождение детей. Поэтому когда общество вмешивается и заявляет, что отец является абсолютным господином и дети служат его удовольствию и славе, это социальное влияние нарушает равновесие естественной привязанности и естественного раздражения, вызванного тяготами. Матрилинейное общество, напротив, не дает отцу никаких прав и привилегий на привязанность детей, он должен ее заслужить, и в этом же нецивилизованном обществе на него меньше давят экономические обязанности и амбиции, в результате он может свободнее следовать своим отцовским инстинктам. Следовательно, в нашем обществе баланс между биологическими и социальными силами, соблюдавшийся в раннем детстве, затем нарушается. В меланезийском обществе гармоничные отношения сохраняются.

Отцовское право, как мы могли убедиться, во многом является источником семейных конфликтов, накладывая на отца общественные требования и даруя ему особые привилегии, не соответствующие ни биологическим тенденциям, ни личным чувствам, которые он может испытывать к детям и вызывать в них.

5. Детская сексуальность

Вступая на территорию, осваиваемую Фрейдом и психоаналитиками, я тем не менее старался избегать темы секса, отчасти потому что хотел подчеркнуть социологический аспект моей работы, отчасти – остерегаясь спорных теоретических моментов, таких как природа взаимной привязанности матери и ребенка или «либидо». Но на этапе, когда дети начинают самостоятельно играть и проявлять интерес к окружающим людям, сексуальность впервые обретает форму, которая непосредственно влияет на семейную жизнь и может быть подвергнута внешнему социологическому наблюдению¹³. Внимательный наблюдатель за поведением европейских детей, не забывший свое собственное детство, должен будет признать, что в раннем возрасте, между тремя и четырьмя годами, ребенок начинает испытывать интерес и любопытство особого рода. Помимо мира законных, нормальных и «милых» вещей ему открывается мир постыдных желаний, тайных интересов и скрываемых импульсов. Появляются две категории вещей – «приличные» и «неприличные», «невинные» и «грязные», и различать эти категории необходимо на протяжении всей оставшейся жизни.

Некоторые люди полностью подавляют в себе «неприличное», и гипертрофированные приличные ценности превращаются в злобную пуританскую добродетель или еще более отвратительное лицемерие традиционной морали. Или «приличное» глушится излишествами порнографического характера, и «непристойное» оборачивается полной развращенностью ума, что не менее отвратительно, чем лицемерная «добродетель». На втором этапе детства, который мы сейчас разбираем (примерно от четырех до шести лет, по моей схеме), «неприличное» сосредоточивается вокруг интереса к выделительным функциям, эксгибиционизма и игр с обнажением, часто связанных с жестокостью. Дифференциации между полами пока почти нет, как нет и интереса к половому акту. Всякий, кто достаточно долго жил среди крестьян и хорошо знаком с тем, как проходит их детство, знает, что там это обычное, хотя и не афишируемое положение вещей. В рабочем классе дело, по-видимому, обстоит так же¹⁴. В высших слоях «непристойности» не носят принципиально иного характера, хотя и подавляются в гораздо большей степени. Проводить наблюдения в этой социальной страте намного сложнее, чем среди крестьян; тем не менее их необходимо проводить с педагогическими, нравственными и евгеническими целями и разрабатывать подходящие методы исследования. Результаты, я думаю, в значительной мере подтвердят некоторые утверждения Фрейда и его школы¹⁵.

Как пробудившаяся детская сексуальность или непристойное поведение влияют на отношение ребенка к семье? В разделении чего бы то ни было на «приличное» и «неприличное» родители и особенно мать всецело принадлежат к первой категории и не затронуты в сознании ребенка «неприличными» смыслами. Чувство, что мать может знать о неприличных детских играх, крайне неприятно ребенку, и у него совершенно нет желания в ее присутствии упоминать или говорить с ней на темы, связанные с сексом. Отец, который также находится строго вне

---

¹³ Читатель, интересующийся темой детской сексуальности и детской психологии, также может познакомиться с трудами: А. Молла «Сексуальная жизнь детей» (*Moll A. Das Sexualleben des Kindes*. 1908); Хэвлока Эллиса «Исследования психологии пола» (*Ellis H. Studies in the Psychology of Sex*. 1919. P. 13; 1910. Vol. I. P. 36, 235). Не меньший интерес представляют книга Г. Плосса (под редакцией Ренца) «Ребенок в народных обычаях и нравах» (*Ploss-Renz. Das Kind in Brauch und Sitte der Völker*. 1911–1912); труд Шарлотты Бюлер «Внутренняя жизнь подростков» (*Bühler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen*. 1925) и работы Уильяма Штерна на тему детской психологии.

¹⁴ Добросовестный социолог Золя дал нам богатый материал на эту тему, полностью соответствующий моим собственным наблюдениям.

¹⁵ По моим наблюдениям, тезисы Фрейда о нормальности раннего развития сексуальности, незначительной дифференциации между полами, анальном эротизме и отсутствии генитального интереса верны. В недавней статье «Очерк истории психоанализа» (1923) Фрейд несколько изменил свою точку зрения и утверждает, не приводя аргументы, что на этом этапе детям уже свойственен «генитальный» интерес. Я с этим не могу согласиться.

«неприличной» категории, кроме того, является моральным авторитетом, и его такие мысли и занятия могут оскорбить. Ведь «неприличное» всегда сопровождается чувством вины¹⁶.

Фрейд и школа психоанализа акцентировали сексуальное соперничество между матерью и дочерью, отцом и сыном соответственно. Лично я считаю, что соперничество между матерью и дочерью не начинается в столь раннем возрасте. Во всяком случае я никогда не видел тому никаких подтверждений. Отношения между отцом и сыном сложнее. При том, что, как уже говорилось, у маленького мальчика нет мыслей, желаний или импульсов по отношению к матери, которые бы он сам отнес к категории «неприличного», очевидно, что молодой организм реагирует на близкий физический контакт с матерью¹⁷. Общеизвестен совет, который старухи-крестьянки дают молодым матерям: после трех лет мальчики должны спать отдельно от матери. Крестьянам хорошо известно как о детских эрекциях, так и о том, что мальчик привязан к матери иначе, чем девочка. То, что в таких условиях в отношениях отца и его маленького сына есть элемент соперничества, представляется вероятным даже стороннему наблюдателю. Психоаналитики безоговорочно поддерживают эту точку зрения. Среди обеспеченных классов грубые конфликты возникают реже, если вообще возникают: вместо этого они разыгрываются в воображении и носят характер хотя и более утонченный, но от этого не менее коварный.

Нужно отметить, что на этом этапе, когда ребенок начинает проявлять соответствующие его полу характер и темперамент, родители по-разному относятся к дочери и сыну. Отец видит в сыне своего наследника, который займет его место в роду и в доме. Поэтому он становится все более требовательным, и это влияет на его чувства в одном из двух направлений: если у мальчика обнаруживаются умственные или физические недостатки, если он не соответствует идеалу отца, он становится предметом горького разочарования и враждебности. Вместе с тем даже на этом этапе соперничество, обида на то, что ребенок в будущем его заменит, и меланхолия стареющего отца ведут опять-таки к враждебности. Подавленная в том и другом случае враждебность ожесточает отца против сына и вызывает в ответ враждебные чувства. В то же время у матери нет причин для негативных эмоций, и, кроме того, она восхищается сыном как будущим мужчиной. Чувство отца к дочери – его повторению в женском обличье, – как правило, исполнено нежности и, возможно, тщеславия. Таким образом, социальные факторы соединяются с биологическими и побуждают отца более нежно относиться к дочери, чем к сыну, а мать – наоборот – к сыну. Но нужно заметить, что склонность к ребенку противоположного пола, потому что он противоположного пола, необязательно имеет сексуальный характер.

В Меланезии мы находим совершенно иной тип сексуального развития ребенка. То, что биологические импульсы принципиально не меняются, кажется очевидным. Но я не нашел никаких признаков того, что можно назвать непристойным поведением или подпольным миром, где ребенок тайно предается занятиям, в основном связанным с выделительными функциями организма или эксгибиционизмом. Разумеется, наблюдения за этой сферой жизни в силу самой ее природы затруднительны: установить личный контакт с ребенком из дикого племени очень непросто, и если бы для дикарей существовал мир неприличного, как он существует для нас, было бы так же бесполезно спрашивать среднего взрослого меланезийца,

---

¹⁶ Подходы современных родителей быстро меняются. Сейчас мы старательно «просвещаем» детей и обстоятельно готовим их к сексу. Однако, во-первых, мы должны помнить, что имеем дело с меньшинством, даже среди британской и американской интеллигенции. А во-вторых, я вовсе не уверен, что в результате такого подхода удастся в значительной мере преодолеть робость и стеснительность детей перед родителями, когда речь идет о сексе. Даже среди взрослых, по-видимому, существует общая тенденция избегать сильных, волнующих и неоднозначных эмоций в любых стабильных отношениях, основанных на ежедневном общении. Даже у тробрианцев, в целом «несдержанных», родитель никогда не выступает доверенным лицом ребенка в вопросах секса. Поразительно, насколько легче признаться в чем-то щекотливом или постыдном тем друзьям и знакомым, которые не слишком тесно соприкасаются с нашей повседневной жизнью.

¹⁷ Это было написано в 1921 г., и с тех пор я изменил свои взгляды на предмет. Утверждение, что «молодой организм реагирует на близкий физический контакт с матерью», кажется мне теперь абсурдным. Я рад, что могу использовать столь выразительное слово, при том что сам же и высказал эту абсурдную мысль. Я привожу адекватный, как мне кажется, анализ этого аспекта детской психологии позднее (см. часть IV, гл. 9).

как и обычных мать, отца или няньку в нашем обществе. Но есть одно обстоятельство, которое настолько кардинально меняет ситуацию в отношении этих туземцев, что здесь невозможно ошибиться: проявления детской сексуальности генитального типа на более позднем этапе, чем тот, о котором мы говорим сейчас, – примерно в возрасте пяти или шести лет – не подвергаются ни вытеснению, ни цензуре, ни моральному осуждению. Поэтому если бы на более раннем этапе имело место непристойное поведение, тем легче было бы его наблюдать на более позднем генитальном этапе сексуальных игр.

Как тогда объяснить отсутствие в примитивном обществе периода, связанного с тем, что Фрейд называет «прегенитальным», «анально-эротическим» интересом? Мы лучше это поймем, когда познакомимся с особенностями детской сексуальности на следующем этапе развития ребенка и увидим, что в этом отношении меланезийские дети существенно отличаются от наших.

6. Период ученичества

Мы приступаем к анализу третьего этапа детства, начинающегося в пять-семь лет. В этом возрасте ребенок начинает ощущать себя независимым, придумывает собственные игры, ищет среди ровесников товарищей по играм, с которыми он хочет гулять без присмотра взрослых. Это время, когда игра начинает перерастать в более определенные занятия и серьезные жизненные интересы.

Продолжим наши сравнения на этом этапе. В Европе с началом школьной жизни – или обучения ремеслу, как это принято у необразованных классов, – ребенок освобождается от влияния семьи. Мальчик или девочка до некоторой степени утрачивают исключительную связь с матерью. В случае с мальчиком часто в этот период происходит перенос сентимента на заместительницу матери: какое-то время ребенок воспринимает ее с той же пылкой нежностью, какую прежде питал к матери, но без других чувств. Подобный перенос не следует путать с более поздней склонностью мальчиков-подростков влюбляться в женщин старше них. В то же время возникает желание освободиться от собственнической материнской заинтересованности, и доверие ребенка становится уже не столь безоговорочным. У крестьян и низших классов отделение от матери происходит раньше, чем среди высших классов, но сам процесс мало чем отличается. Если мать сильно привязана к ребенку, особенно мальчику, она склонна испытывать некоторую ревность и обиду и всячески препятствовать обретению им независимости. Это, как правило, только усугубляет болезненность разрыва.

Дети на коралловых островах Западной части Тихого океана также стремятся к независимости. Это происходит даже более явным образом, так как отсутствие обязательного образования и строгой дисциплины в этом возрасте позволяет свободнее раскрыться естественным наклонностям детской природы. Однако мать в Меланезии не испытывает ревнивого раздражения или беспокойства в связи с новообретенной независимостью ребенка, поскольку у матери отсутствует сколько-нибудь глубокая воспитательская заинтересованность в ребенке. На этом этапе дети на Тробрианском архипелаге начинают создавать небольшие юношеские сообщества внутри общины. Они бродят группами, играют на отдаленных пляжах или в уединенных уголках джунглей, объединяются с другими сообществами детей из соседних деревень, и во всем этом, хотя они и подчиняются своим лидерам, они почти полностью независимы от взрослых. Родители никогда не пытаются их удерживать, мешать им или устанавливать какой-либо режим. Конечно, сначала семья сохраняет значительное влияние на ребенка, но процесс выхода из-под опеки родителей развивается постепенно, непрерывно, свободно и естественно.

В этом заключается принципиальная разница между Европой, где часто из интимной семейной обстановки ребенок попадает в холодную атмосферу школьной дисциплины или начальной профессиональной подготовки, и Меланезией, где процесс обретения ребенком независимости поступателен, свободен и приятен.

Перейдем к фигуре отца на этом этапе. В нашем обществе – опять-таки за исключением определенных современных аспектов семейной жизни в Великобритании и Америке – он по-прежнему олицетворяет принцип власти в семье. Вне дома, в школе, в мастерской, где крестьянский ребенок знакомится с навыками физического труда, власть принадлежит либо отцу, либо его «заместителю». В высших классах на этот этап приходится очень важный процесс сознательного формирования идеала отца и отцовской власти. Ребенок начинает осмысливать то, что он чувствовал и угадывал прежде, – власть отца как главы семьи и его экономическую роль. Представления о его непогрешимости, мудрости, справедливости и могуществе обычно так или иначе и в различной мере внушаются ребенку матерью или нянькой путем религиозного и нравственного воспитания. Быть идеалом всегда непросто, и поддерживать его в повседневной жизни – действительно трудная задача, особенно для человека, чье плохое настро-

ние и сумасбродство не сдерживаются никакой дисциплиной. Поэтому как только идеал отца складывается, он тут же и разрушается. Сначала, видя слабость или дурной нрав отца, ребенок испытывает только смутное беспокойство, страх вызвать его гнев, ощущение несправедливости, возможно, стыд, когда отец совсем уже не контролирует свои эмоции. Вскоре формируется типичный сентимент по отношению к отцу, смесь противоречивых эмоций – уважения, презрения, привязанности и неприязни, нежности и страха. На этом этапе детства в установке ребенка по отношению к родителю мужского пола дает о себе знать социальное влияние, обусловленное патриархальными институтами. Между отцом и мальчиком более четко выкристаллизовываются описанные в предыдущем разделе соперничество престолонаследника и старого правителя, а также взаимная ревность, и в силу этого в отношениях отца и сына в большей степени проявляются негативные элементы, нежели в отношениях отца и дочери.

Среди низших классов процесс идеализации отца носит более грубый характер, но имеет не меньшее значение. Как уже говорилось, в типичном крестьянском доме отец – откровенный тиран. Мать подчиняется его власти и передает это отношение детям, которые почитают воплощаемую отцом мощную и грубую силу, но одновременно боятся ее. Здесь также формируется сентимент, состоящий из амбивалентных чувств, причем отец отдает явное предпочтение дочерям.

Какова роль отца в Меланезии? На этом этапе она невелика. Он продолжает быть другом детям, помогает им, учит их тому, что им нравится, и столько, сколько они хотят. Дети на этом этапе менее заинтересованы в нем и в целом предпочитают ему своих маленьких товарищей. Но отец всегда рядом, готовый помочь советом, отчасти товарищ по играм, отчасти защитник.

Однако в этот период в жизнь ребенка вторгаются племенной закон и власть, принуждение и запрет на определенные желания. Но этот закон и принуждение олицетворяет не отец детей, а совершенно другой человек, брат их матери, глава семьи среди мужчин в патриархальном обществе. Именно он обладает властью и активно ею пользуется.

Его власть, будучи подобной отцовской власти в нашем обществе, не полностью ей идентична. Во-первых, он начинает влиять на жизнь ребенка намного позже, чем европейский отец. Кроме того, он никогда не вторгается в интимный мир семьи, поскольку живет в другой хижине и часто в другой деревне, так как брак на Тробрианских островах ориентирован на отца, и его сестра и ее дети живут в деревне мужа и отца. Таким образом, его власть действует на расстоянии и не может стать деспотичной в тех мелочах, которые более всего раздражают. Он привносит в жизнь ребенка, как мальчика, так и девочки, две вещи: во-первых, понятия долга, запрета и принуждения; во-вторых (особенно в жизнь мальчика) понятия честолюбия, гордости и социальных ценностей, половина из которых составляют смысл жизни тробрианца. Принуждение наступает, когда он начинает руководить занятиями мальчика, требовать от него услуг и учить его племенным законам и запретам. Многие из них мальчик уже знает от родителей, но *када* (брат матери) для него – настоящее воплощение власти и правил.

Мальчика шести лет дядя берет с собой в поход, привлекает для работы в саду, для сбора урожая. Участвуя во всех этих видах деятельности в деревне дяди вместе с остальными членами родовой общины, мальчик понимает, что вносит свой вклад в *бутура* своего рода; он все больше ощущает свою принадлежность к этой деревне и населяющим ее людям, осваивает традиции, мифы и легенды своего рода. Также в этом возрасте ребенок часто проводит время с отцом, и интересно отметить разницу в его отношении к двум мужчинам. Отец по-прежнему остается для него близким другом, он любит с ним работать, помогать ему и учиться у него; но он все больше и больше осознает, что эти занятия основаны на доброй воле, а не на законе, что удовольствие, которое он получает, должно быть наградой само по себе, но что слава уходит к чужому роду. Ребенок также видит, что его мать получает от брата распоряжения, принимает от него поддержку, относится к нему с глубоким уважением, склоняется перед ним как простой человек перед вождем. Он постепенно начинает понимать, что он – наследник своего дяди и

сам также будет господином над своими сестрами, от которых к этому времени он уже отделен социальным табу, запрещающим между ними любую близость.

Дядя по материнской линии, как отец в нашем обществе, становится идеалом для мальчика, человеком, которому нужно угождать и подражать в будущем. Мы видим, что большинство отличительных черт, делающих столь непростым образ отца в нашем обществе, в Меланезии относятся к брату матери. Он обладает властью, его идеализируют, ему покоряются мать и дети, а отец полностью освобожден от этих неприятных прав и характеристик. Но дядя открывает для ребенка новые понятия, которые делают жизнь больше, интереснее и привлекательнее, – социальное честолюбие, слава и традиции рода, гордость за свой род, перспективы богатства, власти и положения в обществе.

Нужно понимать, что в то время, когда европейский ребенок начинает познавать наши сложные социальные отношения, меланезийский ребенок также начинает постигать принцип родства, являющийся основанием социального устройства. Эти принципы разрушают интимность семейной жизни и заново организуют для ребенка социальный мир, который до сих пор состоял для него из более широкого круга семьи, дальних родственников, соседей и жителей деревни. Ребенок учится различать во всех этих группах две главные категории. К первой относятся члены его рода, его *вейола*. Это прежде всего его мать, его братья и сестры, его дядя по материнской линии и все их кровные родственники. Это люди из той же плоти, что и он. Люди, которым необходимо подчиняться, помогать в работе, выступать на их стороне в войне и личных конфликтах. На женщин его рода накладывается строгое сексуальное табу. Другая социальная категория состоит из чужаков, или «аутсайдеров», *томакава*. Так называют всех людей, которые не являются родственниками по материнской линии или не принадлежат к одной родовой общине. Но в эту группу также входят отец и его родственники, женщины, с которыми мальчик может вступать в брак или любовные отношения. Теперь он может иметь с этими людьми, и особенно с отцом, близкие личные отношения, но это, однако, совершенно игнорируется законом и моралью. Итак, с одной стороны – сознание идентичности и родства, связанное с социальными амбициями и гордостью, но также и с принуждением и сексуальными запретами; а с другой – ничем не ограничиваемые дружба и естественные чувства в отношении отца и его родственников, а также сексуальная свобода, но они не ассоциируются ни с личной идентичностью, ни со связями внутри одной традиции.

7. Сексуальность на последнем этапе детства

Мы переходим к проблеме сексуальности на третьем этапе – в позднем детстве, как мы можем его назвать; это этап игры и свободных передвижений, который продолжается примерно с пяти-шести лет до полового созревания. Рассматривая предыдущий период детства, я старался разграничивать секс и влияние социальной среды и буду придерживаться этого подхода и здесь, чтобы яснее обозначить вклад биологических и социальных факторов.

По Фрейду, в современной Европе у детей в этом возрасте возникает очень любопытное явление: регрессия сексуальности, латентный период, перерыв в развитии сексуальных функций и импульсов. Этот латентный период особенно важен во фрейдовской системе неврозов, поскольку связан с амнезией, полным забвением, стирающим воспоминания о детской сексуальности. Поразительно, что этот важный и интересный тезис Фрейда другие ученые обходят стороной. Например, Молл в книге о детской сексуальности (основательный и компетентный труд¹⁸) ничего не говорит о перерыве в сексуальном развитии. Наоборот, его описание подразумевает неуклонное и постепенное увеличение сексуальности в ребенке, кривая растет постоянно, без каких-либо интервалов. Удивительно, но, похоже, иногда Фрейд и сам сомневается в своем тезисе. Этот период детства единственный не имеет ясного и четкого описания, и в одном или двух местах Фрейд даже отрицает его существование¹⁹. Тем не менее на основании материала, полученного благодаря личному знакомству с хорошо подготовленными школьниками, я могу утверждать, что латентный период всегда начинается в возрасте примерно шести лет и длится от двух до четырех лет. В это время интерес к сфере неприличного ослабевает, соблазнительные краски меркнут, их очарование вытесняется и забывается, и появляются новые интересы.

Как же объясняется эта непоследовательность во взглядах Фрейда, а также то, что остальные исследователи секса игнорируют подобного рода факты?

Ясно, что мы имеем дело не с тем, что глубоко коренится в органической природе человека, но с феноменом, во многом, если не во всем, определяемым социальными факторами. Если мы попытаемся провести сравнительный анализ различных социальных слоев, то увидим, что среди низших классов, особенно у крестьян, латентный период намного меньше выражен. Для того чтобы получить ясную картину, вернемся к предыдущему периоду детской прегенитальной сексуальности и посмотрим, как эти два звена соединяются. Мы говорили в пятой главе, что и в низших, и высших классах в раннем возрасте существует острый интерес к «неприличному». Однако у крестьянских детей он проявляется несколько позже и имеет немного иной характер. Сравним еще раз источники «анального эротизма», как назвал его Фрейд, у детей низших и высших классов²⁰. В детской ребенка из обеспеченной семьи интерес к естественным выделительным функциям сначала поощряется, а затем внезапно подавляется. Нянька или мать, которая до определенного момента пытается стимулировать процесс, хвалит быстрое исполнение и демонстрирует всем желающим результаты, вдруг обнаруживает, что ребенок проявляет к этому слишком большой интерес и его игры становятся, как кажется взрослым, какими-то нечисто плотными, хотя для ребенка это совершенно естественно. Затем нянька показывает свою власть, шлепает ребенка, превращая его игру в преступление и насиль-

---

¹⁸ Moll. Das Sexuelleben des Kindes.

¹⁹ Латентный период часто упоминается, например, в «Трех очерках», «Лекциях». Но ни в одной из этих книг ему не уделено существенного внимания. Мы читаем: «Латентного периода может и не быть, он вовсе не обязательно прерывает на время сексуальную деятельность и гасит сексуальные интересы по всей линии» (Фрейд 3. Введение в психоанализ: Лекции. Лекция 21. М.: Наука, 1989).

²⁰ Я не стал бы использовать уродливый неологизм «анальный эротизм», но, поскольку у этого термина есть определение, нет ничего дурного, чтобы заимствовать его у доктрины, которую мы здесь обсуждаем.

ственным образом подавляя его интерес к таким занятиям. Ребенок растет, умолчания, недовольство взрослых и условности начинают придавать естественным функциям таинственную привлекательность.

Те из вас, кто помнит по собственному детству, насколько сильно ощущается гнет этой атмосферы намеков и недомолвок и как быстро ребенку приходится с ней свыкнуться, соглашаться, что категория «неприличного» создана взрослыми. Более того, по наблюдениям за детьми и по собственным воспоминаниям легко удостовериться, что дети быстро перенимают искусственные установки взрослых, становясь маленькими резонерами, моралистами и снобами. В крестьянской среде условия совершенно иные. Дети узнают о сексе в раннем возрасте: они не могут не видеть сексуальных отношений родителей и других родственников; они слышат то, что говорится при ссорах, когда непристойная брань сопровождается добросовестным перечислением «технических деталей». Они ухаживают за домашним скотом, размножение которого является очень важным вопросом в доме и свободно обсуждается во всех подробностях. Поскольку они погружены в естественный мир, то менее склонны делать тайно то, что могут делать открыто и в свое удовольствие. Дети рабочих, возможно, находятся посередине между этими двумя крайностями. Не контактируя с животным миром, они, с другой стороны, еще чаще наблюдают постельные сцены и слышат непристойности.

К чему приводят эти существенные различия между детьми из обеспеченных семей и детьми пролетариата? Прежде всего, «непристойное поведение», усугубляемое среди детей из среднего класса подавлением естественного любопытства, намного менее выражено в низших классах и проявляется позже, когда «непристойность» связана уже с генитальной сексуальностью. В высших классах, после того как интерес к неприличному изживает себя и появляются новые интересы, в жизни ребенка начинается латентный период. Новые интересы занимают ребенка, и отсутствие определенных знаний, обычное у детей образованных родителей, обуславливает позднее возникновение генитального интереса.

В низших классах эти знания и генитальный интерес уже имеются в этом возрасте и представляют первый этап постоянного, неуклонного развития с раннего периода до полного сексуального созревания.

Природа общественного влияния дополняет эти факты, и в результате в жизни ребенка из обеспеченной семьи возникает значительный перерыв. При том что вся его жизнь до шести лет была посвящена развлечениям, сейчас он вдруг должен ходить в школу и готовить уроки. Крестьянский ребенок уже до этого помогал с готовкой, или присматривал за младшими детьми, или ухаживал за гусями или овцами. В это время в его жизни нет никакого перерыва.

Таким образом, при том что детский интерес к неприличному пробуждается в крестьянском ребенке и ребенке из рабочей семьи раньше и в другой форме, он менее тайный, меньше обременен чувством вины, следовательно, он менее аморальный, менее «анально-эротический» и в большей мере связан с полом. Он легче переживается и более естественно перерастает в раннюю сексуальную игру. Латентный период почти полностью отсутствует или, во всяком случае, гораздо менее выражен. Теперь нам понятно, почему психоанализ, занимающийся невротиками из состоятельных слоев общества, выявил этот период, а доктор Молл, чьи наблюдения носили общий медицинский характер, – нет.

Но если у нас и были какие-то сомнения по поводу классовых различий и причин этих различий в нашем обществе, они должны рассеяться, когда мы обратимся к Меланезии. Здесь, конечно, условия отличаются от тех, в которых растут дети из образованных классов нашего общества. Как мы помним из пятой главы, раннее «непристойное поведение», тайные игры и интересы здесь отсутствуют. В сущности, можно сказать, что для этих детей не существует категорий «приличное-неприличное», «чистое-нечистое». Те же причины, по которым эти категории для наших крестьян не так важны, как для среднего класса, еще более явно и непосредственно действуют в Меланезии. Для меланезийцев нет табу на секс в целом; естественные

функции не скрываются ни за какой завесой приличия, в том числе от ребенка. Учитывая, что эти дети бегают голышом, что выделительные функции воспринимаются в этом обществе как нечто естественное, что не существует общего табу на обнажение частей тела или на наготу в целом; учитывая, что маленькие дети в возрасте трех и четырех лет начинают сознавать существование такого явления, как генитальная сексуальность, и что вскоре это и другие детские игры будут приносить им удовольствие, мы заключаем, что различие между двумя обществами объясняется скорее социальными факторами, чем биологическими.

Этап, который я сейчас описываю, – соответствующий нашему периоду латентности, – является этапом детской независимости, когда маленькие мальчики и девочки играют вместе в своего рода детской республике. Один из главных интересов этих детей составляют сексуальные игры. С практикой секса в раннем возрасте дети знакомят друг друга, или иногда их знакомят с ней старшие товарищи. Разумеется, на этом этапе они неспособны совершить половой акт и довольствуются всевозможными играми, в которых взрослые предоставили им полную свободу. Таким образом, они открыто удовлетворяют свои любопытство и чувственность.

Очевидно, что доминирующий интерес таких игр имеет, как выразился бы Фрейд, «генитальную» природу, что во многом они вызваны желанием подражать действиям и интересам старших детей и взрослых и что этот период почти полностью отсутствует в жизни более благополучных европейских детей и только в малой степени наличествует в крестьянской и рабочей среде. Говоря об этих развлечениях детей, туземцы часто называют их «развлечениями соития» (*мвайгини квайта*). Или говорят, что они играют в мужа и жену.

Не нужно думать, что все игры носят сексуальный характер. Многие дети вовсе не играют в такие игры. Но у маленьких детей есть особые занятия, в которых сексу отводится главное место. Меланезийские дети любят «играть в мужа и жену». Мальчик и девочка строят небольшой шалаш и называют его домом; они делают вид, что исполняют функции жены и мужа, и среди них важнейшей, конечно, является половой акт. Либо группа детей идет на пикник, где развлечения включают в себя еду, драку и сексуальные игры. Или они разыгрывают церемонию торговой сделки, заканчивающуюся опять-таки сексуальными играми. Чувственные удовольствия, по-видимому, не составляют исключительный предмет их интереса; в таких более сложных играх также должен присутствовать какой-нибудь творческий и романтический интерес.

Очень важный аспект этой детской сексуальности – отношение к ней взрослых. Как уже говорилось, родители не считают ее хоть сколько-нибудь предосудительной. В целом они воспринимают это как нечто само собой разумеющееся. Самое большее, что они могут делать, – это шутить на эту тему между собой, обсуждая любовные трагедии и комедии мира детей. Они никогда и не помышляют о том, чтобы вмешаться или выразить неодобрение, при условии, что дети достаточно благоразумны, т. е. не устраивают свои любовные игры в доме, но уходят куда-нибудь в укромное место.

Но прежде всего дети предоставлены сами себе во всех своих любовных делах. Не только нет родительского вмешательства, но и вообще взрослые не питают извращенного сексуального интереса к детям и, конечно, никогда не участвуют в такого рода играх. Насилие над детьми меланезийцам неизвестно, и человек, играющий с ребенком в сексуальные игры, показался бы им смешным и отвратительным.

Очень важная черта сексуальных отношений детей – уже упоминавшееся табу на отношения между братом и сестрой. С раннего возраста, когда девочка впервые надевает юбочку из травы, братья и сестры одной матери должны быть разлучены согласно строгому табу, запрещающему любые близкие отношения между ними. Даже еще раньше, когда они только начали ходить, они играли отдельно. Позднее они никогда не общаются свободно в социальном плане; не должно быть и малейшего подозрения в том, что один из них заинтересован в любовных делах другого. Хотя в играх и языке для детей нет ограничений, даже совсем маленький мальчик не может ассоциировать секс со своими сестрами, а тем более делать намеки или шутить

на эту тему в их присутствии. Такой порядок сохраняется в течение всей жизни, и величайшая бестактность, какую только можно вообразить, – это спросить брата о любовных делах его сестры или наоборот. Это табу очень рано разрушает семью, поскольку мальчики и девочки, чтобы избежать друг друга, должны покинуть родительский дом и идти в другое место. С учетом всего этого можно представить себе огромную разницу между нами и меланезийцами в вопросе подростковой сексуальности на этом этапе позднего детства. В то время как в нашем обществе среди образованных классов на это время приходится перерыв в развитии сексуальности и латентный период, сопровождающийся амнезией, в Меланезии очень раннее проявление генитального интереса приводит к такому типу сексуальности, который нам совершенно незнаком. Начиная с этого периода, сексуальность меланезийских детей развивается постоянно, хотя и постепенно, до достижения возраста полового созревания. При условии строжайшего соблюдения одного табу общество позволяет развиваться подростковой сексуальности абсолютно свободно.

8. Пубертатный период

В возрасте примерно 9-15 лет, в зависимости от климата и расы ребенок достигает полового созревания. Половое созревание – это не отдельный момент или поворотная точка, а более или менее длительный период развития, когда полностью перестраиваются половая система, вся система внутренних секретий и организм в целом. Мы не можем рассматривать пубертатный период как *conditio sine qua non*²¹ сексуального интереса или даже сексуальной активности, поскольку не достигшие этого возраста девочки могут участвовать в половом акте, а у половозрелых мальчиков бывают эрекции, и они могут практиковать *immissio penis*²². Но несомненно, что возраст полового созревания – важнейшая веха в сексуальной истории человека.

Более того, секс на этом этапе так тесно связан с другими аспектами жизни, что в этой главе мы будем обсуждать сексуальные и социальные вопросы вместе, и не будем их разделять, как мы это делали, исследуя два предыдущих этапа. Сравнивая тробрианцев с нашим собственным обществом в этот период, мы должны отметить, что эти племена не проводят обрядов инициации по достижении ребенком половой зрелости. С одной стороны, таким образом из нашего анализа устраняется крайне важный вопрос; но, с другой, это позволит нам отчетливее проследить различия между патрилинейным и матрилинейным обществами, так как в большинстве других примитивных сообществ пубертатный период оказывается «замаскированным» из-за церемонии инициации.

Что касается нашего собственного общества, мы должны говорить отдельно о мальчике и о девочке, так как на этом этапе они развиваются совершенно по-разному. В жизни мужчины половое созревание означает обретение полной психической и телесной силы и окончательное формирование половых признаков. Вместе с новой мужественностью полностью меняется его отношение к жизни, как и отношение к сексу и к своему положению в семье. Начиная с последнего, мы можем наблюдать очень интересный феномен, оказывающий большое влияние на отношение юноши к матери, сестре и другим родственницам. Типичный мальчик-подросток в нашем цивилизованном мире в этом возрасте начинает крайне стесняться матери, презрительно и даже грубо вести себя с сестрами и стыдится перед друзьями всех своих родственниц. Кто из нас не помнит муки неопишуемого стыда, когда, беспечно гуляя со школьными товарищами, мы вдруг встречали мать, тетю, сестру или даже кузину и должны были ее поприветствовать. Это было чувство глубокой вины, как если бы нас застали *in flagrante delicto*²³. Некоторые мальчики пытались не заметить родственницу, другие, посмелее, заливались краской, но здоровались, но каждый чувствовал, что это бросало тень на его социальное положение и оскорбляло его мужественность и независимость. Не вдаваясь в психологию этого феномена, мы можем видеть, что эти стыд и смущение – того же рода, что и стыд, связанный с нарушением хороших манер.

Новообретенная мужественность глубоко влияет на отношение мальчика к миру, на все его мировоззрение. Он начинает высказывать свои независимые мнения, отстаивать свою личность и честь, свою позицию относительно власти и интеллектуального лидерства. Это новый этап в отношениях отца и сына, новая оценка и новое испытание идеала отца. Он не выдерживает этого испытания, если обнаруживается, что отец – дурак или «прохвост», ханжа или «старый хрыч». Обычно отец перестает быть авторитетом или, по крайней мере, теряет возможность влиять на мальчика в значительной мере, даже если в последующей жизни они опять сближаются. Однако если отец выдерживает крайне суровую критику этого периода, вполне

---

²¹ Непременное условие (лат.). – Примеч. пер.

²² Введение члена во влагалище (лат.). – Примеч. пер.

²³ На месте преступления (лат.). – Примеч. пер.

возможно, что он останется идеалом для сына. Обратное, конечно, тоже верно, так как отец также заинтересованно присматривается к сыну в этом возрасте и в равной мере критичен относительно того, соответствует ли мальчик его идеалу будущего наследника.

Новое восприятие секса, рекристаллизация, которая происходит в пубертатный период, оказывает большое влияние на отношение мальчика не только к отцу, но и к матери. Образованный мальчик только теперь вполне понимает биологическую природу связи между ним самим и его родителями. Если он глубоко любит и почитает мать, как это обычно бывает, и продолжает идеализировать отца, он может принять мысль о том, что появился в результате полового акта между родителями, хотя поначалу она и вносит сильное смутение в его внутренний мир. Но если он презирает и ненавидит отца, пусть и втайне, как нередко бывает, эта мысль оскверняет его мать и порочит то, что для него наиболее дорого.

Новая мужественность влияет прежде всего на сексуальный кругозор мальчика. Психически он готов к знаниям, физиологически готов применить их в жизни. Обычно в это время он получает первые уроки секса и в той или другой форме начинает вести половую жизнь, не всегда регулярную, часто в виде мастурбаций или ночных поллюций. Эта эпоха во многих отношениях становится распутием для мальчика.

Либо пробудившийся сексуальный импульс вкупе с сильным темпераментом и нестрогими моральными принципами полностью его захватит и вознесет на волне чувственности либо другие интересы и мораль частично или даже полностью отсрочат это пробуждение. Пока он сохраняет идеал целомудрия и готов за него бороться, у него есть рычаг для того, чтобы перенести сексуальные импульсы на более высокий уровень. Конечно, соблазны в основном определяются социальным окружением и образом жизни мальчика. Расовые характеристики, моральные устои и культурные ценности в пределах европейской цивилизации существенно разнятся. В ряде стран мальчикам из определенных классов общества свойственно отдаваться на волю разрушительных сил сексуальной распущенности. В других странах мальчик делает это на свой страх и риск. В третьих общество по большей части освобождает его от груза личной ответственности, устанавливая строгие нормы нравственности.

В его отношении к противоположному полу сначала появляется что-то похожее на то, что он испытывает к матери и сестре, – некоторое смущение, притяжение и вместе с тем отторжение. Женщина, которая, как ему кажется, может оказать на него глубокое влияние, пугает его и вызывает настороженность. Он чувствует в ней угрозу его пробудившейся независимости и мужественности.

Также на этом этапе к концу пубертатного периода появляется новое сочетание нежности и сексуальности, в котором детские воспоминания о материнской нежности соединяются с новыми аспектами сексуальности. Воображение и особенно сны вызывают у мальчика ужасное замешательство и играют странные шутки с его психикой²⁴.

Все это относится главным образом к мальчику из высших, обеспеченных классов. Если мы сравним с ним подростка из крестьянской или рабочей семьи, то увидим, что существенные черты в основном те же, но индивидуальных вариаций, возможно, меньше, и в целом картина более спокойная.

Также существует период эмоциональной грубости по отношению к матери и сестрам, которая особенно заметна в крестьянском подростке. Ссоры с отцом, как правило, становятся более ожесточенными теперь, когда мальчик сознает собственные силы и свое положение наследника, когда он испытывает новые для него жажду обладания и стремление к власти. Часто в это время начинается постоянная борьба за главенство. В сфере сексуальной активности кризис не столь глубок и не в такой степени сказывается на отношении к родителям. Но основные принципы те же.

---

²⁴ Эта концепция подробнее рассматривается далее (см. часть IV, гл. 9).

Девочка из образованного класса переживает кризис, когда у нее проходят первые месячные, которые, хотя и посягают на свободу и осложняют жизнь, окружены ореолом таинственной привлекательности и обычно ожидаются с нетерпением. Но в социальном плане пубертатный период для девочки не так значим; она продолжает жить дома или учиться в школе; все ее занятия и учеба не противоречат обычной семейной жизни – мы не говорим здесь о современной, владеющей профессией девушке. Цель ее жизни – замужество. Важная черта ее отношений с семьей – часто начинающееся в это время соперничество между матерью и дочерью. Сложно сказать, как часто оно принимает определенную, ярко выраженную форму²⁵, но очевидно, что оно искажает типичные отношения в обычной семье. Также в это время и не раньше появляется особая нежность в отношениях отца и дочери, которая зачастую сопровождается соперничеством с матерью. Такова конфигурация комплекса Электры; и он, как видим, совершенно отличен по своей природе от Эдипова комплекса. Если оставить в стороне вопрос большей склонности женщин к истерии (здесь мы обсуждаем лишь то, что составляет основу нормальности), в целом можно сказать, что комплекс Электры встречается реже, он менее социально значим и оказывает не столь большое влияние на западную культуру. В то же время инцест между отцом и дочерью случается несравнимо чаще, чем инцест между матерью и сыном, по разным причинам биологической и социологической природы. Однако нас в основном интересует культурное и социальное влияние комплексов, и мы не можем подробно проследить аналогию между Эдиповым комплексом и комплексом Электры. Мы также не можем уделить место сравнению высших классов, где подавление интенсивнее, случаев истерии больше, но меньше действительных случаев инцеста, и низших классов, где девочки, чей сексуальный интерес проявляется раньше и более естественным образом, менее склонны к истерическим искажениям, но чаще страдают от преследований отца²⁶.

Вернемся теперь к Тробрианским островам. Пубертатный период здесь начинается раньше, но мальчики и девочки начинают жить половой жизнью еще до его наступления. В социальной жизни тробрианца пубертатный период не становится резкой поворотной точкой, как в тех примитивных обществах, где проводятся церемонии инициации. Мальчик постепенно, по мере того как становится мужчиной, начинает принимать более активное участие в экономических занятиях племени; он считается молодым мужчиной (*улатиле*), и к концу пубертатного периода он – полноправный член племени, готовый к браку, выполнению обязанностей и осуществлению прав. Девочка, которая в начале пубертатного периода более свободна и независима от семьи, также должна больше работать, активнее проводить свободное время и выполнять все те ритуальные, экономические и правовые обязанности, которые накладывает на нее полная зрелость.

Но важнейшее и наиболее интересное для нас изменение – частичный распад семьи, который происходит, когда мальчики и девочки в подростковом возрасте перестают постоянно жить в родительском доме. Братья и сестры, избегающие друг друга уже много лет, с самого детства, должны соблюдать строгое табу, чтобы исключить любую возможность контакта в этот период поиска сексуальных отношений. Эта опасность устраняется с помощью специального института, *букуматула*. Это название специальных домов, где живут группы мальчиков и девочек подросткового возраста. Мальчик, достигнув половой зрелости, идет в такой дом, которым управляет молодая вдова или молодой мужчина, где живут несколько подростков, от трех до шести человек, и куда приходят их возлюбленные²⁷. Таким образом, подростки уходят из роди-

²⁵ Такого рода случай, например, убедительно описан в весьма поучительном романе Мопассана «Сильна как смерть».

²⁶ Отец-крестьянин очень часто покушается на дочь. Повидимому, особенно это распространено среди романских народов. Мне рассказывали о большой распространенности такого вида инцеста среди румынских крестьян, и так же обстоит дело в Италии. На Канарских островах мне лично известно несколько случаев инцеста между отцом и дочерью, они живут открыто в бесстыдном «браке» и воспитывают своих детей.

²⁷ Подробное описание и анализ этого удивительного института, представляющего собой максимальное приближение к

тельского дома, хотя, пока мальчик не женится, он всегда будет возвращаться домой, чтобы поесть, и будет работать на родителей. Девочка в редкие целомудренные ночи тоже может возвращаться домой.

Какие установки по отношению к матери, отцу, сестре или брату складываются у меланезийских мальчика или девочки на этом важном этапе? Так же, как и в случае с европейскими мальчиком или девочкой, мы видим, что в этот период только закрепляется, принимает окончательную форму то, что постепенно формировалось на протяжении предыдущих этапов жизни. Мать, от груди которой ребенок был отнят, – в самом широком смысле этого слова, – остается для него главным родным человеком на всю оставшуюся жизнь. Если некому будет ее обеспечивать, это будет делать он, и ее дом всегда будет для него вторым домом. Привязанность и забота, предписываемые социальным долгом, по-прежнему основываются на действительном чувстве, и когда взрослый мужчина умирает или у него случается несчастье, мать горюет, и ее скорбь – самая долгая и искренняя. Тем не менее между матерью и ребенком мало личной дружбы, взаимного доверия и близости, которые так характерны для этих отношений в нашем обществе. Отделение от матери, которое на каждом этапе, как мы видели, проходит легче и более основательно, чем у нас, с меньшим количеством ранних травм и насильственного подавления, оказывается более полным и гармоничным.

Отец в этот период временно забыт. Мальчик, который уже ребенком был вполне независимым гражданином маленькой детской республики, с одной стороны, получает сейчас дополнительную свободу в виде *букуматула*; с другой, его в гораздо большей степени связывают различные обязательства по отношению к его *када* (дяде по матери). У него остается меньше свободного времени и меньше интереса к отцу. Позже, когда начинаются конфликты с дядей, он, как правило, снова поворачивается к отцу, и между ними тогда устанавливается дружба на всю жизнь. Но на этом этапе, когда подросток должен выполнять свои обязанности, изучать традиции, ремесла и магию, у него больше интереса к брату матери, его учителю и наставнику, и у них прекрасные отношения²⁸

тому, что мы называем групповым браком, см. в следующей моей книге «Сексуальная жизнь дикарей» (Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004).

²⁸ Отношения между подростком, его отцом и братом матери в действительности несколько сложнее, чем я мог показать здесь; это весьма любопытная картина драматического столкновения несовместимых принципов кровного родства и власти. Этот вопрос будет обсуждаться в моей следующей книге, посвященной родственным связям. См. также «Преступление и обычай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.